

Игра в мяч — занятие утомительное. Даже после долгого сна усталость не прошла, а лишь сменилась ломотой во всём теле и полной разбитостью. По какой-то причине госпожи Ян не было, поэтому никто не осмеливался торопить меня с подъёмом и умыванием. Я преспокойно валялась в постели почти до полудня, пока не сообразила, что скоро завтрак и меня, возможно, позовут родители. Лишь тогда я лениво поднялась.

Помогать мне пришли не госпожа Ян, а несколько малознакомых кормилиц. Я спросила: «А где госпожа Ян?» Они переглянулись, и одна ответила: «Госпожа Ян заболела и уехала погостить на несколько дней.»

Меня это удивило: «Разве она обычно не живёт в том маленьком дворике? Куда же она уехала?» Они не стали отвечать, принялись меня одевать. Меня это почему-то разозлило, я не позволила им прикасаться ко мне, накинула одежду сама, пробежала по залу и, схватив за руку служанку у двери, спросила: «Что с госпожой Ян?» Та почтительно ответила: «Слышала, будто у неё злокачественная язва. Боятся, как бы не заразились вы, поэтому она временно переехала в переулок Юнсян.»

Услышав, что болезнь заразная, я заколебалась и сказала служанке: «Сходи тогда, узнай, как она.»

Та, похоже, не очень-то хотела, но всё же согласилась. Когда она уже собралась уходить, я подозвала её: «Возьми у Сяолан сто кусков шёлка для госпожи Ян, спроси, не нужно ли лекарств. Когда вернёшься, доложи мне — награжу.»

Только тогда лицо служанки просияло, и она быстро удалилась.

Я застыла у двери в раздумьях, как вдруг увидела, что Цуй Мин-дэ ведёт моих спутниц. Все они были в парадных нарядах, выглядели куда сдержаннее и торжественнее обычного. Я глянула на их одежды, потом на свои и поспешно отступила в зал, ухватив одну из служанок: «Что сегодня происходит? Почему Цуй Вторая и остальные так разоделись?» Та тихо ответила: «Они пришли навестить вас, госпожа.»

Я вдруг осознала, что она назвала меня не «Эрнян», а «госпожой». И служанка до этого тоже обратилась ко мне «госпожа». Странно... но, поразмыслив, я поняла: в наше время служанки именно так и величают хозяйку дома. Даже когда матушка ещё не стала Тяньхоу, придворные звали её так. И все новые молодые служанки у меня поступают точно так же. Но я ни за что не думала, что даже мои кормилицы станут обращаться ко мне с подобной почтительностью.

Хотя я всегда считала себя взрослой и не любила, когда меня воспринимали как ребёнка, впервые услышав это отчуждённое обращение, я почувствовала неловкость. И в этот момент мне вдруг страшно захотелось оказаться в объятиях госпожи Ян. Хотелось, чтобы она ласково растолкала меня, спросила: «Чья это девочка, до полудня дрыхнет?» — или с притворной почтительностью назвала бы меня «принцессой», а себя — «служанкой». Но сегодня утром этого уж точно не случится.

Пока я предавалась этим мыслям, Цуй Мин-дэ со свитой уже подошла к двери.

Служанка тихо объявила их имена: «Цуй Мин-дэ, Цуй Шуньдэ, Фан Цинюй, Фан Шини, Пэй Ланьшэн, Ван Вань, Ван Пин.» Одно имя прозвучало незнакомо. Я на миг задумалась и вспомнила: это настоящее имя Цуй Шестёрки. Она была младше всех, взрослого имени ей ещё не выбрали, вот все и звали по детскому прозвищу, никто и не спрашивал, как её на самом деле зовут.

Раз уж все пришли, я не могла оставить их за дверью — тем более они, наверняка, уже меня видели. Пришлось велеть впустить, а самой юркнуть за ширму. Несколько кормилиц мигом одели меня, уложили волосы и подвели к главному месту.

Девушки уже расселись по местам, но, завидев меня, все поднялись и поклонились. Мы и раньше обменивались поклонами, но сегодня всё выглядело как-то особенно церемонно. От всей этой почтительности мне стало не по себе.

— Зачем церемонии? Садитесь, — сухо бросила я.

Но они стояли как вкопанные.

Я ощутила между нами огромную пропасть и замерла в неловком молчании. Лишь когда Сяолан дёрнула меня за рукав, я села первой и повторила:

— Садитесь.

Только тогда они одна за другой опустились на колени — начиная с Цуй Мин-дэ и заканчивая Ван Пин. Порядок рассадки и поклонов чётко соответствовал рангу их отцов (лишь Цуй Мин-дэ, чей отец, хоть и в отставке, благодаря знатности рода заняла первое место). Всё было строго и чинно.

Все, кроме меня, вдруг стали невероятно почтительны. Они сидели не вразвалку, как на уроках, а выпрямившись, словно сановники на аудиенции. Никто не решался заговорить первым. В зале стояла тишина, нарушаемая лишь унылым стрекотом осенней цикады.

Снова выручила Сяолан:

— Госпожа, приготовить чай для вас и гостей?

Я кивнула. Когда чайный отвар подали и все отпили, атмосфера слегка смягчилась. Цуй Мин-дэ, видимо, заметила моё смущение, обменялась парой ничего не значащих фраз, отхлебнула чаю и неспешно произнесла:

— Сегодня утром я подала доклад двум совершенномудрым.

Эти слова едва не заставили меня выплюнуть чай. Я уставилась на неё, с трудом сдержав изумление.

— О чём это ты? — спросила я.

Доклады я, конечно, тоже писала, но их всегда составляли за меня — я лишь переписывала да подавала отцу, матери и старшему брату, наследному принцу. Обычно это были пустые формальности о молитвах да жертвоприношениях. Не ожидала я, что Цуй Мин-дэ, такая юная да к тому же девушка, уже может сама составлять доклады.

Цуй Мин-дэ улыбнулась. Улыбка её не была ни высокомерной, ни подобострастной.

— Я полагаю, — начала она, — что Ваше Величество, правящее всей Поднебесной, где каждая пядь земли — ваша, а каждый человек — ваш слуга, должно соблюдать ритуал и закон не только во внешнем дворе, но и во внутреннем. Посему я подала доклад, предлагая, чтобы все — наследный принц, князь Дай и принцесса — при встрече с Вашим Величеством соблюдали государственный этикет. То же касается встреч князя Дая и принцессы с наследным принцем,

а также нас, когда мы предстаём перед принцессой. Так каждый займёт подобающее место, вельможа — своё, подданный — своё, что и есть основа ритуала. Оба совершенномудрых одобрили мой доклад и направили его в Секретариат для издания указа, дабы объявить о сем повсеместно. Тяньхоу же постановила, чтобы все мы, как спутницы принцессы, получили должности хранительниц записей.

Сказав это, Цуй Мин-дэ снова опустилась на колени, сохраняя полное спокойствие. Я же была настолько потрясена, что онемела. Слова её не были для меня новы — подобное я слышала часто и сама могла бы изъясняться столь же витиевато. Удивительно было другое: как она, юная девушка без чина, смогла составить такой доклад. Я с детства наблюдала за родителями, видела множество официальных бумаг, но и то не уверена, что смогла бы написать нечто подобное в одиночку. И уж тем более — получить столь быстрое одобрение. Видно, матери он очень пришёлся по душе. Цуй Сяо Эрнян и впрямь оправдывает свою славу.

Разговор на этом, по сути, зашёл в тупик. Цуй Мин-дэ, видимо, это понимала — после нескольких незначительных фраз она поднялась, чтобы откланяться. Когда она уже уходила, я заметила, что одной не хватает, и окликнула её:

— А где Дугу Минь?

Цуй Мин-дэ ответила:

— Госпожа Дугу внезапно занедужила, и её забрали домой — ухаживать за ней.

Я нахмурилась:

— Почему это в последнее время столько людей болеют?

Цуй Мин-дэ лишь улыбнулась в ответ и, не сказав ни слова, медленно удалилась.

Едва Цуй Мин-дэ ушла, матушка и впрямь прислала за мной, велев явиться в чертог Цзычэнь. По пути я встретила Ли Жуя и с удивлением увидела, что он облачён в парадное одеяние циньвана.

Ли Жуй, не дожидаясь вопросов, сам пояснил:

— Сегодня утром получил указ — велено отныне учиться в Академии Хунвэнь. Да ещё и чиновников мне подобрали.

Он сиял от восторга и, ухватив меня за руку, добавил:

— Сыцзы, как отстроят мою резиденцию, смогу жить за стенами дворца!

Я удивилась:

— Так ты в своё княжество отправишься?

Он самодовольно усмехнулся:

— Канцлер Фан как раз того и хотел — чтобы я отбыл в уделы. Но учитель Сюй сказал матери, что я — младший сын, да и старший брат ещё не женился, так что, хоть мне и положено выйти из дворца для учёбы, в столице я могу задержаться на несколько лет. Мать вняла учителю Сюю, а старика Фана — осадила.

Тут до меня наконец дошло, в чём дело, и я тут же уцепилась за Ли Жуя:

— Ну так вывези меня сейчас же из дворца!

Ли Жуй, только что сиявший от гордости, вдруг сник:

— Чтобы выйти из дворца, погоди, пока резиденция достроится. Сможешь тогда у меня пожить сколько хочешь. Или вот поступлю через несколько дней в Академию — тихонько тебя выведу. Но сегодня — никак.

Я с любопытством спросила:

— А почему сегодня нельзя?

<http://bllate.org/book/16278/1465883>